
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

Судьбы народов Европы в войнах XX в.

Лёсы народаў Еўропы ў войнах XX ст.

The fate of the peoples of Europe in the wars of the 20th century

УДК 94(4)''18

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА НА БАЛКАНАХ: ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ МАЛЫХ СТРАН

О. И. АГАНСОН¹⁾

¹⁾Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Первая мировая война привела к радикальной перестройке всей системы международных отношений, одним из главных итогов которой стала трансформация малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы из объектов в субъекты международных отношений. Возникшие или расширившие свою территорию в результате распада многонациональных империй малые страны превратились в ключевых участников мирополитического процесса на региональном уровне, в свете чего особый интерес представляет переформатирование политического пространства Балканского полуострова, поскольку нестабильность в этом регионе запустила процесс слома всей прежней системы международных отношений. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы ответить на вопрос: «Как мировой

Образец цитирования:

Агансон ОИ. Первая мировая война и формирование нового регионального порядка на Балканах: возрастание роли малых стран. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;1:7–17.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-7-17>.

For citation:

Aganson OI. The First World War and emerging of a new regional order in the Balkans: an augmentation of small states' role. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;1:7–17. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-7-17>.

Автор:

Ольга Игоревна Агансон – кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета.

Author:

Olga I. Aganson, PhD (history); leading researcher at the department of modern and contemporary history of European and American countries, faculty of history.
o.aganson@hist.msu.ru

конфликт, начавшийся в Юго-Восточной Европе, трансформировал данный регион?» Для этого были рассмотрены три блока проблем: «вклад» балканского регионального порядка в происхождение Первой мировой войны (историографический аспект проблемы); взаимодействие факторов, повлиявших на переформатирование балканского политического пространства в годы войны; новый облик послевоенного порядка в Юго-Восточной Европе. Новизна и актуальность исследования обуславливаются его методологической базой: применением инструментария теории международных отношений для анализа конкретно-исторического материала, в данном случае – процесса «конструирования» региона в условиях «тектонических» сдвигов, произошедших в недрах системы международных отношений в первые десятилетия XX в. Так, используется аналитическая модель регионального порядка, а также вводятся ключевые для теории международных отношений категории: великая держава, малая страна (в фокусе внимания находятся Сербия, Румыния, Болгария и Греция), принцип национального самоопределения. Делается вывод о том, что региональный порядок, оформившийся на Балканах в ходе Первой мировой войны, являлся плодом взаимодействия разноуровневых факторов, к которым относились, во-первых, военно-стратегическое и политическое планирование враждующих коалиций великих держав (Антанты и блока Центральных держав), стремившихся привлечь на свою сторону региональных союзников; во-вторых, понимание малыми странами того, что война открыла «окно возможностей» для реализации их национальных интересов и внешнеполитических программ; в-третьих, упадок традиционных империй, определявших политический климат на Балканах. Констатируется, что облик регионального порядка, сформировавшегося в Юго-Восточной Европе по итогам Первой мировой войны, обуславливался сотрудничеством и соперничеством местных национальных государств в условиях исчезновения колониальных империй и снижения интереса к региону держав – архитекторов версальской системы (Великобритании и Франции). Это позволяет говорить о некоторой автономности послевоенного регионального порядка на Балканах.

Ключевые слова: Первая мировая война; Балканы; региональный порядок; малые страны; Австро-Венгрия; Сербия; Румыния; Болгария; Греция.

ПЕРШАЯ СУСВЕТНАЯ ВАЙНА І ФАРМІРАВАННЕ НОВАГА РЭГІЯНАЛЬНАГА ПАРАДКУ НА БАЛКАНАХ: УЗРАСТАННЕ РОЛІ МАЛЫХ КРАІН

В. І. АГАНСОН^{1*}

^{1*} Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Ленінскія горы, 1, 119991, г. Масква, Расія

Першая сусветная вайна прывяла да радыкальнай перабудовы ўсёй сістэмы міжнародных адносін, адным з галоўных вынікаў якой стала трансфармацыя малых краін Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы з аб'ектаў у суб'екты міжнародных адносін. Малыя краіны, якія ўзніклі або пашырылі сваю тэрыторыю ў выніку распаду шматнацыянальных імперый, ператварыліся ў ключавых удзельнікаў сусветнага палітычнага працэсу на рэгіянальным узроўні, у сувязі з чым асабліва цікавасць уяўляе перафармацыраванне палітычнай прасторы Балканскага паўвострава, бо нестабільнасць у гэтым рэгіёне запусціла працэс злому ўсёй ранейшай сістэмы міжнародных адносін. Мэта артыкула заключаецца ў тым, каб адказаць на пытанне: «Як сусветны канфлікт, які пачаўся ў Паўднёва-Усходняй Еўропе, трансфармаваў дадзены рэгіён?» Для гэтага былі разгледжаны тры блокі праблем: «унёсак» балканскага рэгіянальнага парадку ў развязванне Першай сусветнай вайны (гістарыяграфічны аспект праблемы); узаемадзеянне фактараў, якія паўплывалі на перафармацыраванне балканскай палітычнай прасторы ў гады вайны; новае аблічча пасляваеннага парадку ў Паўднёва-Усходняй Еўропе. Навізна і актуальнасць даследавання абумоўлены яго метадалагічнай базай: прымяненнем інструментарыю тэорыі міжнародных адносін для аналізу канкрэтна-гістарычнага матэрыялу, у дадзеным выпадку – працэсу «канстрування» рэгіёна ва ўмовах «тэктанічных» зрухаў, якія адбываліся ў нетрах сістэмы міжнародных адносін у першыя дзесяцігоддзі XX ст. Так, выкарыстоўваецца аналітычная мадэль рэгіянальнага парадку, а таксама ўводзяцца ключавыя для тэорыі міжнародных адносін катэгорыі: вялікая дзяржава, малая краіна (у фокусе ўвагі знаходзяцца Сербія, Румынія, Балгарыя і Грецыя), прынцып нацыянальнага самавызначэння. Зроблена выснова пра тое, што рэгіянальны парадак, які аформіўся на Балканах падчас Першай сусветнай вайны, быў плёнам узаемадзеяння рознаўзроўневых фактараў, да якіх належалі, па-першае, ваенна-стратэгічнае і палітычнае планаванне варажых кааліцый вялікіх дзяржаў (Антанты і блока Цэнтральных дзяржаў), якія імкнуліся прыцягнуць на свой бок рэгіянальных саюзнікаў; па-другое, разуменне малымі краінамі таго, што вайна адкрыла «акно магчымасцей» для рэалізацыі іх нацыянальных інтарэсаў і знешнепалітычных праграм; па-трэцяе, заняпад традыцыйных імперый, якія вызначалі палітычны клімат на Балканах. Канстатуецца, што абрысы рэгіянальнага парадку, які сфарміраваўся ў Паўднёва-Усходняй Еўропе па выніках Першай сусветнай вайны, вызначаўся супрацоўніцтвам і саперніцтвам мясцовых нацыянальных дзяржаў ва ўмовах знікнення поліэтнічных імперый і зніжэння цікавасці да рэгіёна з боку дзяржаў – архітэктараў версальскай сістэмы (Вялікабрытаніі і Францыі). Гэта дазваляе казаць пра пэўную аўтаномнасць пасляваеннага рэгіянальнага парадку на Балканах.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; Балканы; рэгіянальны парадак; малыя краіны; Аўстра-Венгрыя; Сербія; Румынія; Балгарыя; Грецыя.

THE FIRST WORLD WAR AND EMERGING OF A NEW REGIONAL ORDER IN THE BALKANS: AN AUGMENTATION OF SMALL STATES' ROLE

O. I. AGANSON^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia*

The First World War launched a tremendous restructuring of the international system. One of its major outcomes was a transformation of the small states of Central and South-Eastern Europe from objects to subjects of international relations. Having emerged or enlarged their territories in wake of multinational empires' collapse, the small states became key players on the regional level. Reshaping of the Balkan regional order is of a particular interest to researchers as the Balkan instability triggered destruction of the previous international system. The purpose of the article is to understand how a world conflict, which had broken out in South-Eastern Europe, transformed the region. To do this the author dwells upon three sets of question. The first is the Balkan contribution in the origins of the First World War. The second is an interplay of factors which caused reshaping of the Balkan political space during the war years. The third is a new landscape of the postwar order in South-Eastern Europe. Methodological approaches applied here define new and actual character of this article. The author uses conceptual tools of the theory of international relations to analyze a process of region «building» which took place in circumstances of «tectonic» shifts within the international system in the early decades of the 20th century. Thus, the author applies the analytical model of the regional order as well as key definitions of the theory of international relations – great power, small state (the article focuses on Serbia, Romania, Bulgaria and Greece), principle of self-determination. It is concluded that the regional order emerged in the Balkans in wake of the First World War was a result of multi-dimensional interaction of factors. They are as follows: 1) the military, strategic and foreign policy planning of hostile coalitions of powers (the Entente and the bloc of the Central powers), seeking to win the loyalty of regional allies; 2) demonstrated by the small states understanding that the war had opened a «window of opportunity» to put into life their national interests and programs; 3) the decline of traditional multi-ethnic empires, which had formed political atmosphere in the Balkans. It is stated that a landscape of post-war regional order in the Balkans was determined with cooperation and competition of the local national states in the situation when the multi-ethnic empires had disappeared from the Balkan political space while the architects of the Versailles system – Great Britain and France seemed to be less interested in South-Eastern Europe in after war years. It meant that the new Balkan order enjoyed a relative autonomy compared to the previous one.

Keywords: First World War; Balkans; regional order; small states; Austria-Hungary; Serbia; Romania; Bulgaria; Greece.

Одним из главных результатов Первой мировой войны следует считать возрастание роли малых стран в международных отношениях и превращение их в полноправных субъектов мирополитического процесса. В своей книге, посвященной работе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., А. Тойнби констатировал: «...любой, кто посмотрит на политическую карту 1914 и 1920 г., будет поражен одной бросающейся в глаза переменной: в 1920 г., в отличие от прежних времен, великие державы более не доминировали на политическом ландшафте»¹ [1, р. 8]. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Тойнби указывал на группу из 13 восточноевропейских государств, образовавших пояс от Балкан до Балтики, от Адриатики до Припятских болот, от Рудных гор до Черного моря, от Арктики до Эгейского моря. Публицисты держав Антанты, просвещая широкую общественность своих государств относительно целей их участия в глобальном конфликте, активно тиражировали тезис о том, что начавшаяся на Балканах война велась за свободу малых стран и народов, за их право на национальное самоопределение и достойную жизнь в новом, безопасном и справедливом мире [2, р. 187].

То обстоятельство, что на протяжении первого десятилетия XX в. Балканы были зоной политиче-

ской турбулентности, а роковой выстрел в Сараево в итоге погрузил Европу во мрак мировой войны, предопределило повышенный интерес как очевидцев событий, так и будущих поколений историков к балканским перипетиям. А потому вполне естественным является вопрос о том, как мировой конфликт, начавшийся в Юго-Восточной Европе, трансформировал этот регион. Ответить на него мы сможем, рассмотрев три блока проблем: 1) «вклад» балканского регионального порядка в происхождение Первой мировой войны (и здесь небезынтересен историографический аспект проблемы); 2) взаимодействие факторов, повлиявших на переформатирование балканского политического пространства в годы войны; 3) новый облик послевоенного порядка в Юго-Восточной Европе.

На восприятие послевоенного регионального порядка как современниками событий, так и последующими поколениями историков в немалой степени влияли оценки, данные расстановке сил на Балканах в преддверии Великой войны. Это неудивительно, поскольку человеку всегда свойственно соотносить элементы преемственности и изменчивости на разных исторических этапах. Имманентно присущая Балканскому полуострову политическая турбулентность, порожденная несоответствием эт-

¹Здесь и далее перевод наш. – О. А.

ноконфессиональных границ, беспокойная и пылкая историческая память местных народов, пульсирующая воспоминаниями об их былом величии, пристальное внимание к региону со стороны великих держав, делавших его частью своих сложных геополитических схем, – все это вело к формированию некой интеллектуальной матрицы, которая пережила две мировые войны². В советской и современной российской историографии балканский аспект происхождения Первой мировой войны получил должное и качественное освещение [5–11], в частности балканские сюжеты были органично вплетены в фундаментальные коллективные монографии, написанные под эгидой исторического факультета МГУ и Института всеобщей истории РАН [12; 13]. Однако в данной работе нам хотелось бы чуть более подробно остановиться на некоторых трактовках балканской подоплеку Первой мировой войны, которые артикулируются западными коллегами. Так, в современной англоязычной историографии до сих пор вдохновенно тиражируется интерпретация балканских истоков Первой мировой войны, предложенная в межвоенный период историками ревизионистского направления Г. Барнсом и С. Феем: перекалывание ответственности за разжигание войны на франко-русский альянс, поддерживавший Сербию в ее «деструктивной» политике [14, р. 654–662; 15, р. 547–558]. Такие оценки бросали тень на переформатирование регионального порядка в Юго-Восточной Европе под эгидой Антанты не только в межвоенный период, но и в более позднее время.

На современном этапе в русле этого подхода американский историк Ш. Макмикин с упорством римского сенатора Катона Старшего обвиняет Российскую империю как в обострении межблокового противостояния великих держав, так и в создании балканского «беспорядка». Доминантой внешней политики Российской империи, по мнению американского специалиста, было стремление установить контроль над Константинополем и Черноморскими проливами, именно этими экспансионистскими замыслами детерминировался интерес Петербурга к Балканскому региону. Макмикин пытается убедить своих читателей в том, что Россия лицемерно использовала «панславизм» как ширму для своих амбициозных геополитических целей, в реальности оставаясь глубоко равнодушной к чаяниям сербов и болгар, интересами которых она с легкостью пренебрегла в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг., Балканских войн 1912–1913 гг., а также кризиса из-за противоречий относительно сербо-албанской границы в октябре 1913 г. Если верить Макмикину, то именно Петербург, а не Берлин и Вена, рассчитывавшие

поставить Европу перед свершившимся фактом австро-сербской войны, решил воспользоваться «окном возможностей», трансформировав локальный конфликт в общеевропейский, чтобы выиграть в составе наиболее сильной коалиции [16, р. 1–2]. В этой связи в литературе все чаще стала упоминаться концепция «балканизации» франко-русского союза, которую последовательно разрабатывают в своих исследованиях профессор Университета Восточной Англии Т. Отт и американский историк С. Уилльямсон, а также их австралийский коллега К. Кларк [17, р. 94–98; 18, р. 50; 19].

В свете таких интеллектуальных построений Сербия, позиционировавшая себя в качестве югославянского Пьемонта, являлась главным дестабилизирующим фактором не только регионального порядка на Балканах, но и всей предвоенной системы международных отношений ввиду покровительственного к ней отношения со стороны России. Утверждения вроде того, что «Молодая Босния» – филиал «Черной руки», уже давно стали общим местом западной историографии [20].

Пытаясь дать объективную оценку тем явлениям и процессам, которые происходили на Балканах в начале XX в., и избегая упрощенных схем, отвечающих конъюнктуре, отметим, что изначально морфология балканского порядка, определенная Берлинским конгрессом 1878 г., отличалась сильной неоднородностью, а также разновеликостью составлявших его элементов: полиэтничные империи сосуществовали с малыми национальными государствами. Эта эклектичность уже содержала в себе семена эрозии и обусловила быстрый рост конфликтогенного потенциала в Юго-Восточной Европе. Национальные программы малых балканских стран, реставрация их средневековых «держав» были несовместимы с принципом территориальной целостности лоскутных империй – Австро-Венгрии и Османской империи. Процессы государственного строительства, разворачивавшиеся в непосредственной близости от их окраин, дестабилизировали сложные имперские конструкции.

Безусловно, Сербия, Греция, Болгария и Румыния с их региональными внешнеполитическими проектами вносили существенный элемент непредсказуемости в функционирование существовавшей в то время системы международных отношений. Вместе с тем самостоятельность и оппортунизм в отстаивании своих национальных интересов, продемонстрированные малыми странами, позволяли воспринимать их как потенциальных региональных партнеров не только России, но и западных государств. Иными словами, Балканский регион являлся ареной, где в разные пе-

²Две известные исследовательницы балканского происхождения – М. Тодорова и В. Голдсворти – ввели в культурологический дискурс понятия «балканизм» и «Руритания», чтобы обобщить многочисленные стереотипы, возникшие у западных интеллектуалов в ходе взаимодействия с «европейским Востоком» [3; 4].

риоды происходило политическое противоборство великих держав, каждая из которых на определенном этапе нейтрализовала чрезмерное усиление позиций своего соперника. Но Балканы никогда не были сферой влияния одной великой державы именно в силу стремления местных игроков проводить самостоятельную внешнюю политику. Отсутствие жестких линий политического размежевания между великими державами на Балканах до определенного момента служило одним из факторов поддержания эластичного равновесия на международной арене.

Хотя пожар мировой войны вспыхнул на Балканском полуострове, все-таки вряд ли можно назвать напряженность во взаимоотношениях между великими державами с тенденцией к размежеванию на военно-политические блоки и постоянную политическую турбулентность на Балканах абсолютно взаимообусловленными процессами, поскольку их генезис имел различную природу. В первом случае речь шла о динамике соперничества между великими державами в эпоху империализма, движущим фактором которого было стремление ключевых игроков упрочить свои военно-стратегические, экономические и политические позиции в рамках существовавшей тогда системы международных отношений. Если же эти рамки оказывались тесны для амбиций той или иной великой державы, то она рассчитывала на их раздвижение, вплоть до возможности обрушения всей международно-политической конструкции. Что же касается нестабильности на Балканах, то она была обусловлена более «долгоиграющими» факторами: задачами завершения национального освобождения балканских народов, строительством ими своей государственности, а также адаптацией к новым региональным границам после войн 1912–1913 гг. и в связи с этим выработкой *modus vivendi* с соседями. Однако в тех внешнеполитических реалиях блоковое противостояние великих держав и нестабильность на Балканах начали «подпитывать» друг друга, что наглядно продемонстрировали вспыхивавшие в регионе конфликты – Боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские войны 1912–1913 гг. и, наконец, июльский кризис 1914 г., вылившийся в мировую войну [21, с. 218–219].

Кроме того, как мы видим, во все вышеперечисленные конфликты была вовлечена империя Габсбургов, которая увязывала свой великодержавный статус с гегемонией на Балканах. Крах австро-венгерского влияния в Юго-Восточной Европе в результате изменения баланса сил в регионе означал выпадение Австро-Венгрии из «европейского концерта», что неизбежно было сопряжено с переформатированием существовавшей системы международных отношений. Таким образом, в 1914 г., по

метафоричному замечанию американского историка П. Шрёдера, Дунайская монархия выбрала для себя наиболее «предпочтительный» способ ухода из жизни – самоубийство, которое было совершено не из-за боязни смерти, а из-за страха перед палачом, в облики которого выступала сама система международных отношений [22]. Австро-сербский конфликт нередко рассматривают как Третью балканскую войну [23]. Вена, пытаясь разрешить внутривосточные проблемы (югославянский вопрос) за счет эффективных внешнеполитических акций, в том числе демонстративного применения военной силы, надеялась на то, что удастся избежать худшего сценария развития событий – глобализации балканского конфликта. В отличие от Антанты Центральные державы пренебрежительно воспринимали роль малых стран в международных отношениях. По словам французского журналиста Р. Пино, «в Австрии говорят о сопротивлении Сербии так, как во Франции о восстании в Дагомее»³.

Переходя к размышлениям о факторах, обусловивших трансформацию балканского регионального порядка в ходе Первой мировой войны, выделим ключевые из них: устремление малых стран, боровшихся за воплощение в жизнь своих национальных программ, коллапс полиэтничных империй, а также подходы держав Антанты к положению дел на Балканах в зависимости от изменения оперативной ситуации на фронтах.

Что касается Сербии, первой из балканских стран оказавшейся втянутой в конфликт, то восприятие целей войны сербской элитой и сербским народом эволюционировало на протяжении второй половины 1914 г.: это была борьба не только за государственную независимость и национальный суверенитет, но и за объединение всех югославян в рамках одного государства. Эти две базовые идеи были сформулированы в Нишской декларации от 7 декабря 1914 г. Обострение международной обстановки, извечное соперничество великих держав и их неизживаемое намерение вмешиваться в дела Балканского полуострова, по интересному замечанию сербских исследователей М. Радоевича и Л. Димича, подталкивали Белград к тому, чтобы создать в регионе новую великую державу – югославянскую [24, с. 143–147]. Однако успешная реализация этих планов зависела не столько от храбрости и самоотверженности сербских солдат, сражавшихся с австро-венгерской армией, сколько от внешних факторов – политической ориентации нейтральных стран Юго-Восточной Европы и великих держав, развернувших активные дипломатические батальи за лояльность нейтралов.

По мере того как война начала принимать позиционный характер на Западном и Восточном фронтах, встал вопрос о расширении конфликта,

³Pinon R. L'Autriche et la guerre balkanique // Revue des deux mondes. Т. 13. Paris, 1913. P. 592.

вовлечении в него новых участников за счет невоюющих государств – Болгарии, Румынии и Греции. Вступление в войну нейтралов на стороне Антанты или Центральных держав обуславливалось тем, в какой степени каждая из коалиций была готова допустить реализацию национальных программ малых стран с перспективой перекройки политической карты региона.

С зимы – весны 1915 г. приоритетной задачей балканского направления дипломатических усилий воюющих блоков становится вопрос о военно-политической ориентации Болгарского царства, вся внешняя, да и внутренняя политика которого определялась, по выражению поэта, «одной, но пламенной страстью» – возвращением македонских земель, которые страна потеряла по итогам Второй балканской войны, обернувшейся для нее национальной катастрофой. Неудачи в Галлиполи увеличивали весомость Болгарии в качестве регионального союзника в войне против Османской империи. В мае 1915 г. державы Антанты обратились к болгарскому царю Фердинанду Кобургскому с нотой, в которой они декларировали свою готовность содействовать разрешению территориальных противоречий между Болгарией и ее соседями за счет территориальных уступок последних: проведение границы в Восточной Фракии по линии Энос – Мидия, возвращение части Вардерской Македонии, вошедшей в состав Сербии по Бухарестскому мирному договору 1913 г., а также передача Румынией Добруджи [25]. Однако, будучи зачарованным победами Центральных держав на Восточном фронте, особенно успехами германского оружия (Горлицкий прорыв и Великое отступление русской армии летом – осенью 1915 г.), болгарское руководство приняло решение о вступлении в войну на стороне Германии и ее союзников в октябре 1915 г.

Правящие круги другого балканского государства – Румынии – оказались более осторожными и менее склонными предпринимать резкие шаги, не будучи уверенными в гарантированной победе потенциальных союзников. Задачей максимум внешней политики Румынского королевства являлось возвращение Южной Бессарабии и инкорпорация ряда австро-венгерских территорий, населенных румынами, – Баната, Трансильвании, Буковины. Со своей стороны дипломаты Антанты пытались переориентировать Бухарест на присоединение территорий Дунайской монархии, а не русской Бессарабии. Изменение оперативной обстановки на Западном и Восточном фронтах в 1916 г. (наступление англо-французских союзников под Верденом, Брусиловский прорыв, осуществленный русской армией, и т. д.) все больше подталкивало Бухарест к объявлению войны Австро-Венгрии и ее союзникам, что в итоге и произошло в марте этого же года. Румынские политики понимали, что время работало против Центральных держав, потому что

главными составляющими победы были люди, хлеб и деньги – и здесь перевес был на стороне Антанты [26, с. 208–214].

Дольше всех (до июля 1917 г.) оставалось нейтральным Греческое королевство, для которого вопрос о вступлении в войну перерос в настоящую внутривнутриполитическую драму. Страна находилась на грани гражданской войны, расколовшись на два лагеря – сторонников премьер-министра Э. Венизелоса, ратовавшего за присоединение Греции к Антанте, и прогермански настроенные круги во главе с королем Константином, отстаивавшим нейтралитет. Ситуация усугублялась тем, что ряд греческих территорий в Македонии, в частности Салоники, были взяты под контроль англо-французскими войсками, а греческое побережье блокировано. По замечанию российского неояллыниста О. Е. Петруниной, гораздо больший урон Греции в годы Первой мировой войны нанесли Великобритания и Франция, нежели державы Четверного союза. Так, германские войска вообще не вступали на территорию этой балканской страны. Подобная форма взаимодействия с великими державами, безусловно, оставила глубокую рану в политическом сознании греческого населения. Тот факт, что Греция подверглась наибольшему прессингу со стороны лидеров Антанты, обуславливался важностью для них геостратегического положения этой страны [27, с. 500–502]. Вместе с тем у великих держав имелся и несиловой рычаг давления на Афины – поддержка воплощения в жизнь «Великой идеи»: реставрации греками Византийской империи, включающей Константинополь и малазийские территории.

Для того чтобы запущенный механизм по привлечению союзников функционировал, требовалось топливо. И в качестве такого топлива выступали территории противника: применительно к Балканам это были владения полиэтничных империй – Австро-Венгрии и Османской империи. Проблема присоединения к Греции турецких территорий в Малой Азии предполагает отдельное, самостоятельное исследование, а потому останется за рамками данной статьи. В первую очередь нас будут интересовать проекты послевоенного устройства политического пространства бывшей монархии Габсбургов.

Австро-Венгрия оказалась тем полем, которое можно было нарезать на участки для удовлетворения территориальных амбиций как малых стран, так и великих держав. Под последними подразумевались Италия и Россия. Первая претендовала на территории Восточной Галиции, вторая – на Тироль и австрийское поморье. От раздела Австро-Венгрии также должна была выиграть и страна, не имевшая общей границы с Дунайской монархией, – Болгария. Поскольку Сербия, заручившись поддержкой на присоединение югославянских провинций им-

перии, должна была уступить Болгарскому царству часть Вардерской Македонии⁴. Причем еще до распада самой монархии Габсбургов были намечены контуры новых конфликтов на будущем постабсбургском пространстве: между Италией и Сербией из-за австрийского поморья, между Сербией и Румынией из-за Баната.

Результатом этих запутанных геополитических калькуляций должно было стать создание внушительного блока балканских государств, союзного Антанте. Его стратегическая важность заключалась в том, что он разделял территориальное единство враждебной коалиции. Так, критикуя проект Дарданелльской операции и продвигая идею Салоникского фронта, Д. Ллойд Джордж, занимавший в тот период пост канцлера казначейства, писал в своих мемуарах о том, что «балканский бастион служил бы в нашем (Антанты. – О. А.) тылу неприступной крепостью вместо того, чтобы оказаться тем непроходимым и непреодолимым препятствием, к тому же защищаемым решительными противниками, каким мы нашли его в 1916–1918 гг.» [28, с. 276].

Все эти политические и военно-стратегические планы, несмотря на их некоторую абстрактность и оторванность от региональных реалий, свидетельствовали о курсе держав Антанты не просто на дестабилизацию многонациональной Дунайской монархии, а на ее ликвидацию. Между тем Австро-Венгрия была не только важным элементом баланса сил в Европе, но и своеобразной геополитической скрепой. Ведь она связывала два субрегиона – Центральную и Юго-Восточную Европу. А поскольку эта скрепа могла стать инструментом для реализации масштабных мирополитических проектов рейха «Срединная Европа», «ось Берлин – Багдад», то одной из целей войны виделась трансформация Дунайской монархии. Победы немецких и австро-венгерских войск на Балканах в 1915 и 1916 гг., когда им удалось выбить из строя Сербию и Румынию, казались, по пессимистическим оценкам крупного британского специалиста по Центральной Европе Р. У. Сетон-Уотсона, громкой заявкой на реализацию проекта Ф. Наумана, описанного им в работе с говорящим названием «Срединная Европа»⁵. Выступая перед рейхстагом в конце 1915 г., рейхсканцлер Т. фон Бетман Гольвег торжественно заявил: «Победа над Сербией обеспечила нам контроль над Дунаем; свободное сообщение с Турцией установлено... Создание беспрепятственного пути до Ближнего Востока стало вехой в истории этой войны. Кроме того, будущее вселяет оптимизм. Был построен прочный мост между союзными монархиями и Ближним Востоком. После войны он будет служить интересам мира и культуры» [29, р. 218–219].

Перспективы германской гегемонии, ключевым звеном которой являлась Дунайская монархия, неизбежно побуждали британских и французских дипломатов и представителей экспертного сообщества задуматься о переформатировании постабсбургского политического пространства и сведении к нулю возобновления там германского преобладания. В конце августа 1916 г. в канцелярии главнокомандующего французской армией генерала Жоффра был подготовлен меморандум по вопросу послевоенного устройства Европы. Австро-Венгрии был поставлен смертельный диагноз, а на ее месте прогнозировалось появление независимых государств и расширение территории тех стран, которые могли бы взять на себя функцию противовеса Германии, поскольку сама Дунайская монархия утратила роль буфера еще 50 лет назад. В свете этого приветствовалось объединение Богемии, Моравии, Словакии, создание единого югославянского государства на базе Сербии, словенских и хорватских земель, а также вхождение в состав Италии Трентино, Горицы, Истрии, побережья Адриатики до Задара [30, р. 378–380].

Созвучные идеи высказывались и британскими дипломатами. В начале августа 1916 г. А. Пейджет и У. Тиррелл подготовили меморандум, в котором подробно рассматривались вопросы территориально-политического переустройства Центральной и Юго-Восточной Европы. Без всяких колебаний и полутонув констатировалось, что принцип национальностей являлся базовым при формировании политической карты региона. Вторым важным элементом при проведении границ назывался принцип экономической целесообразности. В соответствии с этими программно-целевыми установками Сербия получала не только населенные сербами провинции Австро-Венгрии, но и порты на Адриатике, а также гарантию беспрепятственной торговли через порты Эгейского моря. Более того, признавалось желательным создание единого югославянского государства, включавшего Сербию, Хорватию и Словению, на федеративной основе. Английские планировщики отводили этому ново-явленному государству роль регионального лидера, экономически самостоятельного и дееспособного в военно-политическом отношении, чтобы противостоять германской экспансии на Ближнем Востоке в будущем. Между тем мощное югославянское государство рассматривалось и как возможный противовес влиянию Российской империи, которая должна была получить территориальные приращения в зоне Черноморских проливов. Как казалось Тирреллу и Пейджету, Сербия еще до войны начинала тяготиться опекой со стороны России, а в послевоенный период эта тенденция должна

⁴Doc. № 334 // Documents diplomatiques français. 1915. T. 2 (26 mai – 15 septembre). Paris : P. I. E. – Peter Lang, 2003. P. 526.

⁵Seton-Watson R. W., Litt D. Serbia's need and Britain's danger // Contemporary review. 1915. Vol. 108. P. 576–581.

была только усилиться⁶. Однако традиционная по-дозрительность британского истеблишмента в отношении геополитических замыслов Петербурга оказалась неактуальной в новых военно-политических реалиях.

На фоне революционных событий в России и падения боеспособности русской армии (неудачное наступление войск в июне 1917 г.), прихода к власти большевиков и развала Российской империи инициатива в определении судеб Центральной и Юго-Восточной Европы окончательно перешла к бывшим союзникам России – Франции и Великобритании. Причем Париж в вопросах территориально-политического урегулирования на пространстве Австро-Венгрии захватил пальму первенства. Россия, в ее советской ипостаси, более чем на десятилетие перестала быть внешним фактором, способным воздействовать на политическую конфигурацию Центральной и Юго-Восточной Европы.

Как же итоги Первой мировой войны видоизменили политический ландшафт Балканского региона?

В геополитическом измерении после распада монархии Габсбургов произошло складывание нового Центрально-Европейского субрегиона, включившего в себя вновь возникшие национальные государства. В значительной мере был переформатирован и Балканский регион, что в первую очередь выразилось в территориальном расширении и усилении Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), созданного на базе Сербии, за счет инкорпорации в их состав «обломков» рухнувшей Дунайской монархии. Таким образом, Балканы и Центральная Европа превратились в экспериментальное поле, в рамках которого апробировался пресловутый принцип национальностей, ставший частью идейно-политического наследия Великой войны и Версаля.

Распространение на Балканский полуостров комплекса мирных договоров (Сен-Жерменского, Нейского и Трианонского), подписанных в ходе работы Парижской мирной конференции, означало довольно плотную интеграцию региона в версальскую систему международных отношений. Разумеется, не приходится говорить о снижении конфликтного потенциала в Юго-Восточной Европе до нулевой отметки: старые противоречия, существовавшие между местными игроками, пусть и в модифицированной форме, вышли на новый уровень (это и сербо-болгарские споры из-за Македонии и «западных окраин»⁷, болгаро-греческие противоречия из-за Западной Фракии, румыно-болгарские разногласия из-за Южной Добруджи, различное видение конфликтующими сторонами

сербо-албанского и греко-албанского территориального разграничения). Как выразился известный британский историк и востоковед У. Миллер, «историческая память нигде так не чутка и не долговечна, как на Балканах»⁸. Кроме того, возникли и новые очаги напряженности, связанные прежде всего с отторжением территорий бывшей Трансильвании, ядром которой являлась Венгрия, в пользу Румынии и КСХС (с 1929 г. – Югославия).

Важной особенностью балканского порядка, оформившегося по итогам Первой мировой войны, являлось мультисубрегиональное положение ряда его элементов – Югославии, Румынии и Турции, что влекло за собой определенную дисперсию их внешнеполитических интересов. Главным образом это относилось к Белграду и Бухаресту, которым не хватало внешнеполитических ресурсов для того, чтобы одновременно успешно отстаивать свои интересы в двух субрегионах, что, соответственно, порождало необходимость поиска поддержки вне подсистемы, т. е. со стороны великих держав.

Однако, несмотря на то что на Балканах сохранялось несоответствие этнических и территориально-политических границ, регион перестал играть роль «грозового угла» Европы, как метафорично называл его австрийский публицист Т. фон Сосноски в начале XX в. [31]. Причина этого обстоятельства во многом кроется в произошедшем в ходе Первой мировой войны вытеснении великой державы из балканского политического пространства. Это уменьшало вероятность военного столкновения великих держав из-за их стремления доминировать на Балканах, потому что среди них больше не находилось таковых, для которых данный регион имел бы жизненно важное значение.

Невзирая на свою изначальную интегрированность в версальскую систему, региональный порядок на Балканах характеризовался определенной автономностью. Между тем отсутствие энергичной и выверенной политики великих держав относительно Балканского региона после Первой мировой войны привело к образованию там вакуума силы. В какой-то степени его пыталась заполнить Франция, кропотливо плетя из малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы узор союзов, чтобы обеспечить устойчивость версальской системы на региональном уровне [32]. Париж не только был одним из главных вдохновителей создания Малой Антанты в составе Румынии, Югославии и Чехословакии, но и пошел на заключение двусторонних договоров с каждым из ее членов [33].

Таким образом, региональный порядок, оформившийся на Балканах в ходе Первой мировой вой-

⁶The National Archives in Kew, UK. Suggested basis for a territorial settlement in Europe. CAB 24/2.

⁷Города Босилеград, Цариброд, Струмица с окрестностями и часть округа г. Кула, переданные Болгарией Сербии в соответствии с Нейским мирным договором 1919 г.

⁸Miller W. The Macedonian Claimants // Contemporary review. 1903. Vol. 83. P. 468–484.

ны, являлся плодом взаимодействия разноуровневых факторов, к которым относились, во-первых, военно-стратегическое и политическое планирование враждующих коалиций великих держав, стремившихся привлечь на свою сторону региональных союзников; во-вторых, понимание малыми странами того, что война открыла «окно возможностей» для реализации их национальных интересов и внешнеполитических программ; в-третьих, упадок традиционных империй, определявших политический климат на Балканах. В рамках третьей группы факторов особенно рельефно проступали два аспекта: с одной стороны, рост национально-освободительных движений на территории полиэтничной Австро-Венгрии, которая сама была балкан-

ской державой, а с другой – предельное обострение комплекса социально-экономических проблем внутри Российской империи, традиционного покровителя славянских народов Юго-Восточной Европы, что в итоге привело к коллапсу империи Романовых и потере Россией своего влияния в регионе на долгие годы. Наслоение этих факторов и обусловило не менее сложный политический рисунок Балканского региона, чем прежде. Но теперь на балканском полотно доминировали не многонациональные империи, а независимые государства, которые весьма конъюнктурно интерпретировали принцип национальностей, положенный в основу регионального порядка в Юго-Восточной Европе после Первой мировой войны.

Библиографические ссылки

1. Toynbee A. *The world after the peace conference: being an epilogue to the «History of the Peace Conference of Paris» and a prologue to the «Survey of International Affairs, 1920–1923»*. London: Oxford University Press; 1925. 91 p.
2. Seton-Watson RW. *German, Slav, and Magyar: a study in the origins of the Great War*. London: Williams and Norgate; 1916. 198 p.
3. Goldsworthy V. *Inventing Ruritania: the imperialism of the imagination*. London: Hurst and Company; 2013. 302 p.
4. Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press; 2009. 288 p.
5. Виноградов ВН. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны. *Новая и новейшая история*. 1995;5:62–74.
6. Емец ВА. Советская историография происхождения Первой мировой войны. В: Сидоров АЛ, редактор. *Первая мировая война 1914–1918*. Москва: Наука; 1968. с. 23–57.
7. Золоторев ВА, Листиков СЮ, редакторы. *Война и общество в XX веке. Книга 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны*. Москва: Наука; 2008. 611 с.
8. Козенко БД. Отечественная историография Первой мировой войны. *Новая и новейшая история*. 2001;3:3–27.
9. Мальков ВЛ, редактор. *Первая мировая война. Пролог XX века*. Москва: Наука; 1998. 693 с.
10. Писарев ЮА, Мальков ВЛ, редакторы. *Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории*. Москва: Наука; 1994. 304 с.
11. Мальков ВЛ, Шкундин ГД, редакторы. *Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война: документы и материалы*. Москва: Наука; 2002. 580 с.
12. Белоусов ЛС, Маныкин АС, редакторы. *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации*. Москва: Издательство Московского университета; 2014. 816 с.
13. *Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война: исторический очерк*. Москва: Наука; 2002. 686 с.
14. Barnes HE. *The genesis of the world war: an introduction to the problem of war guilt*. New York: A. A. Knopf; 1927. 796 p.
15. Fay SB. *The origins of the world war. Volume II. After Sarajevo. Immediate causes of the war*. New York: The Macmillan Company; 1928. 622 p.
16. McMeeke S. *The Russian origins of the First World War*. Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press; 2011. 324 p.
17. Otte TG. A «formidable factor» in European politics: views of Russia in 1914. In: Levy JS, Vasquez JA, editors. *The outbreak of the First World War: structure, politics and decision-making*. New York: Cambridge University Press; 2014. p. 87–112.
18. Williamson SR. July 1914 revisited and revised: the erosion of the German paradigm. In: Levy JS, Vasquez JA, editors. *The outbreak of the First World War: structure, politics and decision-making*. New York: Cambridge University Press; 2014. p. 30–62.
19. Clark C. *The sleepwalkers: how Europe went to war in 1914*. London: Penguin Books; 2013. 697 p.
20. Агансон ОИ. Англо-американская историография о балканских предпосылках Первой мировой войны: актуальные тенденции и подходы. В: Данченко СИ, редактор. *Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2015. с. 247–268.
21. Агансон ОИ. Балканы в 1914 году: сработала ли «Фукидидова модель»? В: Данченко СИ, редактор. *Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2017. с. 215–232.
22. Schroeder PW. Stealing horses to great applause: Austria-Hungary's decision in 1914 in systemic perspective. In: Aflerbach H, Stevenson D, editors. *An improbable war? The outbreak of World War I and European political culture before 1914*. New York: Berghahn Books; 2007. p. 17–42.
23. Remak J. 1914 – The Third Balkan War: origins reconsidered. *The Journal of Modern History*. 1971;43(3):354–366.
24. Радојевић М, Димић Љ. *Србија у Великом рату 1914–1918*. Београд: Српска књижевна задруга; 2014. 298 с.
25. Шкундин ГД. *Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.)*. София: Проф. Марин Дринов; 2007. 182 с.
26. Виноградов ВН, редактор. *За балканскими фронтами Первой мировой войны*. Москва: Индрик; 2002. 504 с.
27. Петрунина ОЕ. *Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития*. Москва: КДУ; 2010. 744 с.

28. Ллойд Джордж Д. *Военные мемуары. Тома 1–2*. Звавич И, переводчик. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1934. 678 с.
29. Meyer HC. *Mitteleuropa in German thought and action, 1815–1945*. The Hague: Martinus Hijhoff; 1955. 390 p.
30. Joffre J. *Mémoires du maréchal Joffre (1910–1917). Tome 2*. Paris: Plon; 1932. 468 p.
31. Sosnosky T. *Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Band 1*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt; 1913. 307 S.
32. D’Hoop MJM. La France, la Grande-Bretagne et les Pays balkaniques de 1936 à 1939. In: *Les relations franco-britanniques de 1935 à 1939: communications présentées aux colloques franco-britanniques tenus à Londres (Imperial War Museum) du 18 au 21 octobre 1971, Paris (Comité d’histoire de la 2ème guerre mondiale) du 25 au 29 septembre 1972*. Paris: CNRS Éditions; 1975. p. 53–63.
33. Язькова АА. *Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925*. Москва: Наука; 1974. 330 с.

References

1. Toynbee A. *The world after the peace conference: being an epilogue to the «History of the Peace Conference of Paris» and a prologue to the «Survey of International Affairs, 1920–1923»*. London: Oxford University Press; 1925. 91 p.
2. Seton-Watson RW. *German, Slav, and Magyar: a study in the origins of the Great War*. London: Williams and Norgate; 1916. 198 p.
3. Goldsworthy V. *Inventing Ruritania: the imperialism of the imagination*. London: Hurst and Company; 2013. 302 p.
4. Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press; 2009. 288 p.
5. Vinogradov VN. [Again on new approaches to the history of the First World War]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1995;5: 62–74. Russian.
6. Emets VA. [The Soviet historiography of the First World War]. In: Sidorov AL, editor. *Pervaya mirovaya voina 1914–1918 [First World War 1914–1918]*. Moscow: Nauka; 1968. p. 23–57. Russian.
7. Zolotarev VA, Listikov SYu, editors. *Voina i obshchestvo v XX veke. Kniga 1. Voina i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny [War and society in 20th century. Book 1. War and society on the eve and during of the First World War]*. Moscow: Nauka; 2008. 611 p. Russian.
8. Kozenko BD. [Domestic historiography of the First World War]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2001;3:3–27. Russian.
9. Mal’kov VL, editor. *Pervaya mirovaya voina. Prolog XX veka [The First World War. The prologue of the 20th century]*. Moscow: Nauka; 1998. 693 p. Russian.
10. Pisarev YuA, Mal’kov VL, editors. *Pervaya mirovaya voina: diskussionnye problemy istorii [The First World War: historiography discussions]*. Moscow: Nauka; 1994. 304 p. Russian.
11. Mal’kov VL, Shkundin GD, editors. *Mirovye voiny XX veka. Kniga 2. Pervaya mirovaya voina: dokumenty i materialy [World wars of the 20th century. Book 2. The First World War: documents and materials]*. Moscow: Nauka; 2002. 580 p. Russian.
12. Belousov LS, Manykin AS, editors. *Pervaya mirovaya voina i sud’by evropeiskoi tsivilizatsii [The First World War and the destiny of European civilization]*. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta; 2014. 816 p. Russian.
13. *Mirovye voiny XX veka. Kniga 1. Pervaya mirovaya voina: istoricheskii ocherk [World wars of the 20th century. Book 1. The First World War: a historical essay]*. Moscow: Nauka; 2002. 686 p. Russian.
14. Barnes HE. *The genesis of the world war: an introduction to the problem of war guilt*. New York: A. A. Knopf; 1927. 796 p.
15. Fay SB. *The origins of the world war. Volume II. After Sarajevo. Immediate causes of the war*. New York: The Macmillan Company; 1928. 622 p.
16. McMeeekin S. *The Russian origins of the First World War*. Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press; 2011. 324 p.
17. Otte TG. A «formidable factor» in European politics: views of Russia in 1914. In: Levy JS, Vasquez JA, editors. *The outbreak of the First World War: structure, politics and decision-making*. New York: Cambridge University Press; 2014. p. 87–112.
18. Williamson SR. July 1914 revisited and revised: the erosion of the German paradigm. In: Levy JS, Vasquez JA, editors. *The outbreak of the First World War: structure, politics and decision-making*. New York: Cambridge University Press; 2014. p. 30–62.
19. Clark C. *The sleepwalkers: how Europe went to war in 1914*. London: Penguin Books; 2013. 697 p.
20. Aganson OI. [Anglo-American historiography on the Balkan origins of World War I: contemporary tendencies and approaches]. In: Danchenko SI, editor. *Slavyane i Rossiya: istoricheskii kontekst i problemy istoriografii [Slavs and Russia: historical context and problems of historiography]*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; 2015. p. 247–268. Russian.
21. Aganson OI. [The Balkans of 1914: «the Thucydides model» in action?]. In: Danchenko SI, editor. *Slavyane i Rossiya: problemy voiny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Yu. A. Pisareva [Slavs and Russia: problems of war and peace in the Balkans. 18th–21st centuries. To the 100th anniversary of the birth of academician Yu. A. Pisarev]*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2017. p. 215–232. Russian.
22. Schroeder PW. Stealing horses to great applause: Austria-Hungary’s decision in 1914 in systemic perspective. In: Aflerbach H, Stevenson D, editors. *An improbable war? The outbreak of World War I and European political culture before 1914*. New York: Berghahn Books; 2007. p. 17–42.
23. Remak J. 1914 – The Third Balkan War: origins reconsidered. *The Journal of Modern History*. 1971;43(3):354–366.
24. Radojević M, Dimić Lj. *Srbija u Velikom ratu 1914–1918 [Serbia in the Great War 1914–1918]*. Belgrade: Srpska književna zadruga; 2014. 298 p. Serbian.
25. Shkundin GD. *Razdeljaj i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgarie v politike derzhav Antanty (oktyabr’ 1915 – mart 1916 g.) [Divide et impera! The Entente powers’ policy towards a separate peace with Bulgaria (October 1915 – March 1916)]*. Sofia: Prof. Marin Drinov; 2007. 182 p. Russian.
26. Vinogradov VN, editor. *Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voiny [Behind the Balkan fronts of the First World War]*. Moscow: Indrik; 2002. 504 p. Russian.

27. Petrunina OE. *Grecheskaya natsiya i gosudarstvo v XVIII–XX vv.: ocherki politicheskogo razvitiya* [Greek nation and state in the 18th–20th centuries: studies in political history]. Moscow: KDU; 2010. 744 p. Russian.
28. Lloyd George D. *Voennye memuary. Toma 1–2* [War memoirs. Volumes 1–2]. Zvavich I, translator. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo; 1934. 678 p. Russian.
29. Meyer HC. *Mitteleuropa in German thought and action, 1815–1945*. The Hague: Martinus Hijhoff; 1955. 390 p.
30. Joffre J. *Mémoires du maréchal Joffre (1910–1917). Tome 2*. Paris: Plon; 1932. 468 p.
31. Sosnosky T. *Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Band 1*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt; 1913. 307 S.
32. D'Hoop MJM. La France, la Grande-Bretagne et les Pays balkaniques de 1936 à 1939. In: *Les relations franco-britanniques de 1935 à 1939: communications présentées aux colloques franco-britanniques tenus à Londres (Imperial War Museum) du 18 au 21 octobre 1971, Paris (Comité d'histoire de la 2ème guerre mondiale) du 25 au 29 septembre 1972*. Paris: CNRS Éditions; 1975. p. 53–63.
33. Yaz'kova AA. *Malaya Antanta v evropejskoi politike. 1918–1925* [The Little Entente in the European politics. 1918–1925]. Moscow: Nauka; 1974. 330 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.11.2019.
Received by editorial board 20.11.2019.